

их музыкальной природы, чем с воспроизведением формальных изысков.

Однако самая большая удача нового сборника — это переводы Гелескула, молодого испаниста. Им воссоздан «Цыганский романсеро» (почти весь), переведен цикл «Три города» и многие другие стихотворения. Сравнение переводов из Лорки с некоторыми другими работами Гелескула, в частности с его переводами Мигеля Эрнандеса, Маркоса Аны и особенно Сесара Вальехо, показывает, что в нашу поэзию пришел человек незаурядного дарования. Написанное Гелескулом развернутое предисловие к книге свидетельствует, что он знает предмет и прекрасно пишет прозой.

Итак, перед нами хорошая книга, правильно сложенная, хорошо переведенная, оправдывающая высокий гриф «Сокровища лирической поэзии», поставленный на ее первой странице.

БОРИС СЛУЦКИЙ

ПЕРЕВОДЫ АННЫ АХМАТОВОЙ

Голоса поэтов. Стихи зарубежных поэтов в переводе Анны Ахматовой. Предисловие А. Тарковского. Редактор М. Зенкевич. Москва, «Прогресс», 1965. 174 стр.

В серии «Мастера перевода», выпускаемой издательством «Прогресс», недавно появилась еще одна книжка, свидетельствующая о высоком уровне, какого достигло искусство перевода в Советском Союзе. Это «Голоса поэтов» — сборник избранных переводов Анны Ахматовой. Тот, кто любит оригинальное творчество Ахматовой, порадует, услышав еще раз ее голос, угадывая его тембр в голосах других поэтов. Тот, кого интересует зарубежная поэзия, испытает удовлетворение от знакомства с произведениями разнообразных иностранных поэтов — и старых, и современных.

И снова эта книжка показывает, как важно в переводе единое звучание, какую ошибку совершают некоторые издательские работники, стараясь (даже в тех случаях, когда можно этого избежать) в одной книге, под именем одного поэта объединить десяток, а то и два переводчиков. Как часто три-четыре перевода, сделанные умелой и любящей рукой, дают о поэте более ясное представление, чем целая книга его стихов, созданная коллективом переводчиков разного стиля и разной манеры. Иногда даже не помогает наличие в этом коллективе крупных имен, потому что чем крупнее поэт, тем своеобразнее его индивидуальность, проявляющаяся, конечно, и в его переводах, и тем заметнее получается в книге разнородность. Далеко не каждый поэт обладает специфическим талантом перевоплощения, помогающим ему преодолеть собственную индивидуальность и передать многообразные различия в поэтике переводимых авторов. И далеко не каждый редактор уме-

ет стать дирижером, который приведет различные переводческие индивидуальности к некоему оркестровому единству.

Вот почему издание сборников, представляющих творчество одного переводчика, оправдывает себя во всех отношениях. Такие сборники не только являются законной данью признательности и уважения поэту, отдавшему свой труд и талант благородному делу перевода, но и, кроме того, их художественный и познавательный эффект несет в себе нечто новое по сравнению с обычными сборниками переводной поэзии, в оглавлении которых мы находим десяток-другой переводческих имен.

При всем единстве поэтической манеры Анна Ахматова несколько не сглаживает индивидуальные и национальные различия представленных ею поэтов. Едва ли болгарская поэтесса Елисавета Багряна может быть переведена более близко к оригиналу, хотя мы и узнаем в переводе чисто ахматовские интонации.

И снова на улицах наших лукавый
Апрель-цветоносец поет,
И веет зеленой весенней отравой,
Которая слаще, чем мед.

Но в комнате этой и душно и тесно
За крепко закрытым окном,
А то, что скажу я, так было чудесно,
Что мнится не явью, а сном.

Или:

Говори, говори, говори —
Опускаю ресницы и внемлю:
Где дымятся внизу алтари,
Вижу смутные море и землю...

Там закат багровеет, горя,
Здесь — пожарища дым и тревога;
Где нас встретит сегодня зоря
И куда эта вьется дорога?

Пушкин в письме к Н. Б. Голицыну сказал, что поэтический перевод — это самый неблагодарный и самый трудный род литературы. Великий законодатель русской поэзии проявил здесь обычный для него лаконизм и точность. Прочитав переводы стихов иноязычного поэта, читатель далеко не всегда дает себе труд заглянуть в оглавление и узнать, кому он обязан новым художественным наслаждением, чьей волей и мастерством чужое вдохновение заговорило по-русски и сокровищница русской поэзии обогатилась новыми, может быть еще невиданными, жемчужинами.

Серия «Мастера перевода», ставя на первое место имя переводчика, безусловно сыграет свою положительную роль и в этом отношении.

Но по какому принципу должны отбираться переводчики для такой серии? Возвращаясь к определению Пушкина, можно сказать, что мастер — это тот, кто умеет преодолеть все неизбежные трудности перевода и создать стихи настолько естественные и свободные, что они будут звучать как русский оригинал.

В переводах Ахматовой эти качества не подлежат сомнению. Естественность интонаций, такая пленительная в ее оригинальных стихах, не изменяет ей и в пе-

реводах. Возьмем стихотворение Владислава Броневского:

Нет больше слов. Ни одного...
А было их — не сосчитать.
Откуда ж радость? Отчего
так страшно за нее опять?

Опять, как много дней назад,
трепещет сердце ночь и день,
и слезы блещут и кипят,
как наша польская сирень!

И нежность вновь. И моря шум.
И молчаливый лунный свет.
На шумановское «Wagim?» —
«Люблю»... — чуть слышный твой ответ.

И нужно ль было столько мук
и столько вспышек грозных,
когда прикосновеенья рук
так много значит для двоих?

Ахматова не была переводчицей изначально. Но однажды взявшись за это дело, она стала переводить только то, что любила, и к выбору оригинала относилась очень строго, всегда отдавая себе отчет в характере своего дарования и никогда, несмотря на просьбы редакций, не берясь за то, что было ей чуждо. Поэтому ее переводы так часто кажутся ее собственными стихами, и вопрос тут не в отдельных строчечных совпадениях, а в самом дыхании, в интонациях, в поэтическом строе. Доказывать это иначе чем цитатами из ее переводов (а заодно и оригинальных стихов) бессмысленно, так же бессмысленно, как пытаться рассказать запах цветка или цвет неба.

Но вот прочтите в ее переводе «Хасангинуцу», или «Пир у князя Лазаря», или две баллады, посвященные матери Юговичей, убитых турками на Косовом поле. Куда девались ахматовские мягкие, женственные регистры? Стих окреп, налился какими-то новыми соками и зазвучал совсем по-иному. Эти сербские народные баллады принадлежат к числу наиболее высоких достижений А. Ахматовой, и, читая их, все время восхищаешься своеобразием и верностью интонаций, безупречным лексическим отбором, так ярко воссоздающим таинственный, колдовской и в то же время реалистически-конкретный характер оригинала. Эти переводы являются достойным продолжением «Песен западных славян». И вместе с тем мы ясно ощущаем, что переворачивал эти сказания, звучащие как наигрыш древних гуслей, уже не поэт, отделенный от нас целым столетием, хотя и гениальный, а более близкий к нам, наш современник.

Славу славит Лазарь, князь могучий,
В граде сербском, Крушевце цветущем.
Вся господа за столы садится,
Вся господа вместе с сыновьями,
Справа посадили Юг-Богдана,
Рядом девять Юговичей юных,
Слева — Вука Бранковича место,
Всю господа садят по порядку:
Против князя — воевода Милош,
Рядом с ним двух равных посадили,
Одного — Косанчица Ивана
И Милана Топлицу — другого.
Князь литую чашу поднимает,
Говорит своей госпode сербской:
«За кого мне выпить чашу эту?
Если пить по старшинству сединам,
Выпил бы вино за Юг-Богдана,
Если пить по благородству крови,

Выпил бы за Бранковича Вука,
Если пить по дружеской приязни,
За девятерых бы выпил шурьев».

Независимо от идейного или поэтического родства с оригиналом переводчика может увлечь самый процесс перевоплощения в другую индивидуальность, при котором он, как и актер, остается все же самим собою. Так Ахматова, ставшая сербским рапсодом, осталась сама собою.

Если поэтов-переводчиков можно разделить на две категории: тех, у которых преобладает объективное начало, и других, более субъективного склада, то Ахматова, склоняясь более ко второму, занимает все-таки промежуточное положение. Она не обладала способностью быть такой разнотелой, как Пушкин, являвший чудеса перевоплощения и умевший, оставаясь Пушкиным, буквально исчезать в переводимом поэте. Она не умела быть и Алексеем Толстым, так полно и так совершенно преобразившимся в Гете. Но она не была и такой, как в наши дни Пастернак, чей собственный голос так ясно слышится во всем, что бы он ни переводил, несколько не мешая Пастернаку создавать порой чудеса переводческого искусства.

Трудно, конечно, отдать предпочтение тому или иному методу — субъективному или объективному, — тем более что различие здесь чисто количественное и в общем сводится к тому, сколько переводчик упустил из заданного оригиналом и сколько вложил своего. Абсолютное тождество с подлинником все равно невозможно. Но победителей не судят. И если переводчик сохранил дух и образы подлинника, то успех его будет измеряться уже не количеством упущенного или сохраненного, а силой созданных им русских стихов. Пример лермонтовских «Горных вершин», таких непохожих на Гете по всем внешним признакам и таких гетевских по всему внутреннему строю стиха, всегда у нас перед глазами. Тем не менее переводчиков субъективного склада нередко подстерегает опасность перейти меру и, как сделал Бальмонт, превратить Шелли, по крылатому выражению К. И. Чуковского, в Шельмонта.

Но если у Ахматовой и была склонность к некоторому субъективизму, то, повторяем, мудрый выбор материала и сознание того, что соответствует, а что не соответствует ее дарованию, уберегали ее в сомнительных случаях, и она никогда не насиловала ни свое дарование, ни чужое произведение. В то же время ее переводческий диапазон никак нельзя назвать узким. Здесь и польские, и болгарские поэты, и чехи, и югославы, румыны, норвежцы и даже индийцы, представленные Рабиндранатом Тагором и Сумитрананданом Пантом. Если вспомнить, что Ахматова была еще автором сборника переводов старокорейской поэзии и одной из двух переводчиц древнеегипетской лирики, где ее достойным соавтором оказалась поэтесса Вера Потапова, то мы

увидим, что переводческий вклад Анны Андреевны в русскую поэзию очень велик.

И если верно, что переводчик способствует бессмертию поэзии, потому что на родном языке она (как и язык данной эпохи), устаревает — кто же читает древнеегипетскую лирику в оригинале! — а переведенная, она вновь обретает жизнь; если верно, что перевод — это эстафета лучшего, что создано человечеством, передаваемая друг другу народами и поколениями, то книжка переводов Анны Ахматовой — непререкаемое тому свидетельство.

В. ЛЕВИК

**ИЗДАНО
ЗА РУБЕЖОМ**

ПОЭЗИЯ ВОССОЗДАНИЯ МИРА

Веселин Ханчев. За да останеш.
Избрана лирика. София, Български
писател, 1965.

Любители болгарской поэзии совсем недавно держали в руках новую книгу детских стихов Веселина Ханчева «Пестрая стая» (1964). А теперь они могут поставить на полку почти одновременно появившиеся два его сборника: сборник сатирических стихов «Свирепый соловей» (1965) и сборник избранной лирики «Чтоб память о тебе всегда жила» (1965).

«Не помню, когда я начал писать стихи,— говорит поэт.— Всякий раз, когда стараюсь вспомнить, я прихожу к убеждению, что в жизни своей я всегда испытывал муки и радости творчества... У всех книг, написанных мною до сих пор, есть один-единственный герой: человек, наш современник. Я не знаю ничего более сильного, более сложного, более красивого, более достойного пера писателя, чем он... И мне кажется, что никакой другой жанр не способен выразить правду о его жизни так прямо и непосредственно, как поэзия. словно вспышки молнии, она призвана освещать его суровые черты, его победы и страдания. Она призвана проникать в его внутренний мир, более необычный, более необъятный, таящий больше чудес, чем мир планет».

Это — не просто красивые слова: право произнести их поэт заслужил всей своей жизнью, всем своим творчеством. Мы можем убедиться в этом, прочитав сборник его избранной лирики, ибо он носит итоговый характер, включив в себя лучшее из написанного поэтом с 1942 по 1965 год и оставив вне своих страниц, по существу, лишь его ранние юношеские стихи.

Отражая развитие поэта, сборник по своему характеру делится на две части, которые отличаются друг от друга столь же

глубоко, сколь годы, в которые были созданы составляющие эти части стихи. Так, можно решительно утверждать, что стихи первой половины сборника (циклы «Молодость» и «Стихи в обоймах») — хотя в свое время они и сыграли большую роль — находятся у подножия произведений, созданных поэтом впоследствии.

В числе тех стихотворений, благодаря которым поэт занял свое подлинное место у вершины болгарской поэзии, есть произведения, еще не входившие ни в один из предыдущих сборников и даже вообще не публиковавшиеся, такие, как страстные политические стихи «Молитва к революции», «Романсеро о Хосе Санчо», или стихотворение «Гулливвер» — тончайший образец любовной лирики Ханчева. Эти стихотворения прекрасны и по мысли, и по форме, в которую эта мысль заключена.

Многие стихи зрелого Ханчева известны русскому читателю по выпущенному в 1963 году Издательством иностранной литературы сборнику поэта «Лирика»*. Нам знакомы и «Баллада о человеке», и «Хороший ученик», и «Охота на дельфинов», и три прекрасных парижских стихотворения, и жемчужина всего творчества поэта — цикл «Я жив».

Стихи этого цикла, автобиографические больше, чем какие-либо другие стихи Веселина Ханчева, посвящены борьбе человека со смертью. Читая их, необыкновенно ясно ощущаешь особенность ханчевского творчества — в негибкости его лирического героя, его любви к людям и жизнелюбии, в его вере в жизнь. Только нашей, социалистической современности по силам формировать такую полноту и глубину связи с жизнью, такую сильную любовь к творческому созидательному началу! Недаром смертельно больному герою Ханчева страшно не только то, что он может не победить смерть, страшно и то, что стены палаты отгораживают его от кипучей, активной жизни.

Можно ль в палате, где только кровать,
Выздороветь, ну скажите?
Нет ли такой, где б весь мир ощущать?
Там меня,
Там уложите! **

(«Поступление в больницу»)

Оказавшись перед лицом смерти, герой Ханчева находит силы, продумав свою жизнь, сурово осудить и в себе и в тех, кто с ним связан, все, что может помешать ему жить по-новому, если ему еще придется жить.

Чтоб жить я мог,
должно во мне хоть с болью,
но непрестанно что-то умирать.
Приговорил я к смерти
через неприязнь
приятельства,
изменчивые в бедах,
и вас, знакомства,
что толпой незваной
на трапезу моей души собрались.

* Рецензия на этот сборник была опубликована в журнале «Иностранная литература» № 9, 1963 г.

** Здесь и далее перевод автора рецензии.